

его постулирования в форме произведения, тем самым, приходя к внутреннему диссонансу восприятия: Я смотрю на искусство так, но не готов смотреть на такое искусство.

Поп-арт снимает эту напряженность, его трансфигуративность не нисходяща в своих визуальных методиках, поэтизация обыденности – восхождение от обыденной реальности к реальности художественной без отрыва от оной – лифт в мир «высокого искусства» со всем своим мелким житейским скарбом, где на верхних этажах при новом освещении гнет утилитарности предмета уже не виден, да и как разглядеть его, если поэтизируется не привычная утилитарность, а утилитарность нового рода. Предметность, заставляющая поддаться ей – это соблазн, довольно близкий благоговению перед миром художественного. Дадаизм нисходит к обывателю в форме, но концептуально встает выше, заставляя если не потянуться, то хотя бы оглядеться, поп-арт изысканно обставляет форму, но концептуально нисходит к зрителю, переставая вставлять с ним в оппозицию мировоззрений.

Мы все одинаковы: нам приятно смотреть на близкое и знакомое.

И речь идет уже не столько о разнице подходов, сколько о том, что проблема, поставленная экспериментом дадаизма, получает решение в проекте поп-арта. Но то ли это решение, которое мы искали?

Библиографические ссылки на источники

1. Беньямин В. Апология Дада // Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. СПб., 2004.
2. Бодрийяр Ж. Аукцион произведения искусства. М., 2007.
3. Пикабия Ф. Апология Дада // Каннибальский манифест Дада. СПб., 2004.

АКТУАЛЬНАЯ ГУМАНИТАРНО-ФИЛОСОФСКАЯ СИНТАГМАТИКА И ИССЛЕДОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ СУФИЗМА

Л. А. Лукоянова

*магистрант Департамента философии Института
социальных и политических наук Уральского федерального
университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург*

На рубеже XX и XXI вв. особое значение и актуальность в гуманитарных науках, по словам В. М. Бычкова, приобретают «словарно-аналитическое мышление и научные исследования в лексиконной форме» [2]. Таким способом решается задача упорядочения

и классификации различной по формам хранения и презентации научной информации.

Из популярного справочника или академического хранилища кодифицированных знаний такое издание все чаще превращается в фундаментальное динамичное научное исследование достаточно широкого профиля (в пределах гуманитарных наук). Словарь (или другое подобное издание) с высоким коэффициентом концентрации актуальной информации, оптимальным библиографическим аппаратом, с достаточно четко выраженной аналитикой и методологией лаконичного (что особенно актуально в эпоху глобальной компьютеризации) исследования сущностных проблем, как правило, связан с понятийным полем той или иной сферы знания, имеет тенденцию к постоянному развитию, носит принципиально открытый характер. Как считает В. М. Бычков, «может быть, уже имеет смысл говорить о некоей принципиально новой единой гуманитарной науке, которая пока не имеет имени, но начинает именно сегодня активно складываться на основе традиционных философии, эстетики, филологии, лингвистики, психоанализа, искусствоведения, семиотики и многих других наук» – так вот, современные ученые-гуманитарии находятся в мучительном поиске адекватного понятийного аппарата для выражения не имеющих исторических аналогов каких-то принципиально новых процессов в том, что раньше называлось искусством, литературой, философией, культурой» [2].

В данной ситуации открывается огромное поле для мыслительного творчества, поиска новых концептов, конструирования синтагм, которые наиболее точно отображают современный мир.

Синтагма – совокупность нескольких слов, объединенных по принципу семантико-грамматической сочетаемости, единица синтагматики. Объем конкретной синтагмы определяется не только реальным употреблением слов в связке, но и самой возможностью объединения предметов, признаков и процессов окружающей действительности [4]. Минимальной длиной синтагмы следует считать простые словосочетания. Отсюда видно, что понятие «синтагма» и «словосочетание» не всегда совпадают. Кроме того, несколько другое понимание термина обнаруживается в фонетике, где синтагмой именуется «относительно законченный по смыслу отрезок речевой цепи, границы которого определяются только просодическими средствами» [6].

Синтагма (от греч. *syntagma*, буквально – вместе построенное, соединенное), в широком смысле – любая последовательность языковых элементов, связанных отношением определяемое – определяющее [5]. Такое понимание синтагмы восходит к Ф. де Соссюру. Синтагма может быть последовательностью слов (внешняя

синтагма) и последовательностью морфем (внутренняя синтагма). Например, «дом-ик» образует внутреннюю синтагму, в которой элемент «дом-» является определяемым, а «ик» определяющим членом синтагмы; эта синтагма соотносится с внешней синтагмой «маленький дом», где «дом» – определяемое, а «маленький» – определяющее. В более узком смысле синтагма – словосочетание, вычленяемое в составе предложения (синтагма предикативная, атрибутивная, объектная и т. д.), а предложение – цепная последовательность синтагм. Л. В. Щерба называл синтагмой возникающие в речи интонационно организованные фонетические единства, выражающие единое смысловое целое и могущие состоять из одной или нескольких ритмических групп. Фраза может по-разному члениться на синтагмы, что связано со смысловыми оттенками, логическим выделением или с синтаксической омонимией. Например, «вчера /было жарко» – «вчера было /жарко».

Синтагма, на мой взгляд, может использоваться как новый продуктивный метод научно-исследовательской деятельности. На основе понятия синтагмы можно выстроить понятийно-исследовательский аппарат работы, который позволит осуществить новую интерпретацию проблемы.

Синтагматический подход, в частности, позволяет обновить видение проблемы искусства как способа существования религиозно-мистического содержания суфизма в системе таких категорий как «бедная» или минимальная религия, постатеизм, теомонизм, метапрактика, которые позволяют наиболее точно описать специфику современного состояния суфизма и искусства суфиев.

Бедная религия, минимальная религия (poor religion, minimal religion) – вера в Бога, лишенная признаков конкретного вероисповедания, отвлеченная от исторических, национальных, церковных традиций; атрибуты веры, общие для всех или многих религий [7].

Бедная религия и есть общий знаменатель всех вер, их всеобщая форма, ставшая содержанием постатеистической веры. Атеистический разрыв с религиозными традициями ведет к постатеистическому их объединению.

В душе бедного верующего нет никаких догматических предположений, которые создаются непрерывной исторической традицией, крепким семейным религиозным укладом.

Тенденция к объединению разных вер существует и на Западе – как экуменическое движение внутри христианства, или как поиск всемирного религиозного синтеза, объединяющего иудаизм и христианство с буддизмом и индуизмом. Но все это происходит на почве уже состоявшихся, богатых, развитых религиозных традиций, как попытка наладить их сближение, диалог. Путь бедной религии, вышедшей из атеистического небытия и ведущей к единству веры

через пустыню безверия, – это уникальный российско-советский путь.

Свои истоки суфизм берет в исламе, но выступает как альтернатива ортодоксальному исламу. Суфизм, как и ортодоксальный ислам, черпает свое учение в Коране и Хадисах Пророка, при этом различается восприятие и толкование этих священных книг. Коранические события воспринимаются как основа мистического опыта, а Хадисы Пророка как осознание человеком общения с Богом. Музыка и поэзия суфизма оказалась под непосредственным влиянием богословия.

Суфизм – мистическое направление ислама; исламский вариант мистической формы религиозного опыта. Конституируется как противовес ортодоксальному формализованному исламу, провозглашая в качестве программного принципа принцип «сердечной веры» [1]. Цель суфии – освобождение человеческой поработанной души из границ концепций «Я» и «Мое», слияние в экстазе с духовным Идеалом.

Суфии считают, что мистика – есть внутреннее пробуждение к реальности неопределимого, которое имеет место, когда голос сердца восклицает: «Это не мое тело, это храм Бога» [1], а мистицизм – это божественный импульс, дающий свет изнутри, и тем больше становится реальностью, чем больше человек осознает свое внутреннее руководство. Мистик – это человек, который удалил все барьеры между собой и другими, аннулировав все различия и расхождения, в том числе и религиозные. Мистицизм основан на индивидуальном эмоциональном переживании и претендует на выход за пределы опыта, познания, языка, религии.

За внешним протестом ортодоксальному исламу скрывается попытка переосмысления суфизмом духовного содержания ислама, некая его модернизация, которая говорит не о слепом подчинении Богу, а о Любви к Нему.

При этом важно отметить, что современные европейские последователи суфизма пытаются всячески разорвать его связь с исламом, так как ислам ассоциируется с экстремизмом и терроризмом. Суфизм позиционируется как нечто стоящее над всеми вероисповеданиями, подчеркивается его идентичность со многими мистическими направлениями (в частности христианским мистицизмом). Суфизм не представляет собой, единой в идейном плане системы. Мистическое мировосприятие, рассматриваемое как результат личного прозрения, предполагает индивидуальность мистического переживания. Главным становится не вероисповедание, а единый Бог и единение в Боге. Делая из этого вывод, я могу сказать, что современный суфизм позиционируется как «бедная религия» и главным для него становится «теомонизм».

Теомонизм (theomonism, от греч. monos – один, единственный и греч. theos – бог) – богоединство, единство в Боге, объединение разных вер на основе единобожия. Слово «теомонизм», богоединство, состоит из тех же корней, что и «монотеизм» – единобожие, но в обратном порядке: не единый Бог, а единство в Боге. Теомонизм означает не просто веру в единого Бога, а объединение самих вер на основе единого предмета веры [7].

Начала у всех религиозных традиций – разные, а конец может быть только общий. Единоверие – отказ от веропоклонства, ибо поклонение разным верам и их уставам вместо единого Бога может рассматриваться как один из видов идолопоклонства.

В основном это интеграция монотеистических вер, имеющих общий авраамов корень. В этом существенное отличие теомонизма от протестантского модернизма, ориентированного на одно только христианство, причем строго евангельского, «очищенного», демифологизированного толка. Единоверие скорее ориентировано на Книгу Бытия и Откровение Иоанна, в которых раскрывается единство человечества на доисторической и сверхисторической границах его существования во времени.

Но помимо теомонизм в суфизме я могу выделить и существование метапрактики.

Метапрактика (metapractice) – метафизические составляющие практической жизни; медитация, включенная в деятельность; система мыслей, поступков, обладающих свойствами метафизического высказывания [7].

Метапрактика – это выполнение самых обыденных, житейски необходимых действий как условий решения метафизических задач. Метапрактика – это жизнь вдвойне, ее цель – много жизней, прожитых внутри одной, т. е. параллельное наложение многих смыслов на один и тот же поступок, метафизическое насыщение каждого физического действия.

Метапрактика – это такая медитация, которая расширяет смысл повседневных действий, помещает их в бесконечно растяжимый смысловой континуум: растяжимый от крошечных деталей повседневности до понимания вселенной и своего места в ней [7].

По мнению Эпштейна суфийская медитация – это разрыв с привычным состоянием бодрствующего человека: от него требуется особая поза отрешенности, полная неподвижность, отказ от зрения. Это ситуация прекращенной жизни, тогда как метапрактика – медитация внутри продолжающейся жизни, более того, медитация посредством зрения и осязания, посредством движения и действия. Задача метафизики не в том, чтобы отказаться от обычных действий, а в том, чтобы отрефлексировать их изнутри в контексте бытия как целого.

Суфийская медитация, конечно, отличается от «метапрактики», но на мой взгляд различия здесь не столько в способе, сколько в цели. Суфийская медитация это не только отказ от движения, но и наоборот, способом медитации может быть танец, слушание музыки и поэзии. Целью медитации суфия является познание Бога и слияние с ним, целью метапрактики является рефлексия обычных действий изнутри в контексте бытия как целого. С другой стороны искусство суфизма можно назвать некой метапрактикой. Суфийская поэзия это само олицетворение двойственности, за обыденным сюжетом кроется совершенно иной смысл, а творение данной поэзии является рефлексией религиозного опыта, так что «метапракой» я бы назвала религиозное искусство суфизма.

Постатеизм (post-atheism) – религиозное состояние общества, прошедшего через опыт массового атеизма [7].

В духовном вакууме поздней советской и постсоветской эпохи, в 1970–1990-е гг., религиозность стала возрождаться в той форме, которую подготовил для нее атеизм: как бедная религия, «просто вера», без уточнений и дополнений, без четких конфессиональных примет, – целостное, нерасчлененное чувство Бога, вырастающее вне исторических, национальных, конкретно-церковных традиций. Когда человек находится в состоянии постатеизма, он ищет веру, а всюду видит исторически сложившиеся формы богопочитания, тогда как ему хочется знать Бога целым и неделимым. Человек ищет веры, находит вокруг одни только вероисповедания.

В этом разрыве между верой и вероисповеданиями и возникает бедная религия, не имеющая ни устава, ни книг, ни обрядов. В 1970–1990-е гг. из атеизма уходит гораздо больше людей, чем приходит в храмы. Они уходят – и не доходят, остаются где-то на распутье, в точке равного притяжения всех вер как ведущих к единству веры.

Исследуя религиозно-мистическое содержание суфизма и его влияние на искусство в традиционной методологии, сложно объяснить, почему сейчас очень много молодых ученых в России исследуют суфизм и мистицизм с разных точек зрения или увлекаются суфизмом. Синтагматический подход, разработанный М. Эпштейном, позволяет объяснить причины этого явления более основательно.

Библиографические ссылки на источники

1. Андерилл Э. Мистицизм. Опыт исследования природы и законов развития духовного сознания человека / Перевод с англ.; под ред. В. Г. Трлиса, М. А. Неволлина. Киев, 2000.

2. Лексикон нонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века / Под ред. В. В. Бычкова. М., 2003 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Buchkov_Lexikon/Lex_index.php (дата обращения: 10.02.2010).

3. Орлов Б. В. Постклассика и онтоэстетика // К 40-летию

философского факультета. Труды преподавателей кафедры эстетики, этики, теории и истории культуры. Екатеринбург, 2005.

4. Синтагма Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/bse/article/00071/26500.htm> (дата обращения: 17.02.2010).

5. Синтагма Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/190044> (дата обращения: 13.02.2010).

6. Словарь терминов московской концептуальной школы. М., 1999 [Электронный ресурс]. URL: <http://yanko.lib.ru/books/dictionary/m-k-sh/slovar-m-k-sh-all.htm> (дата обращения: 02.02.2010).

7. Эпштейн М. Проективный философский словарь. Новые термины и понятия. СПб., 2003 [Электронный ресурс]. URL: http://www.emory.edu/INTELNET/fs_contents.html (дата обращения: 11.02.2010).

8. Эпштейн М. Философия возможного. Модальности в мышлении и культуре. СПб., 2001 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.emory.edu/INTELNET/fvo.html> (дата обращения: 10.02.2010).

ЭСТЕТИКА МИСТИЧЕСКОГО ОТЩЕПЕНЧЕСТВА В ИСКУССТВЕ XX В.

А. А. Плинер

студентка Департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург

Культура XX в., пожалуй, развивалась динамичнее, чем во все предыдущие века: ни один век не породил столь большого и столь противоречивого культурного разнообразия, как двадцатый, и ни в одном веке не возникало столько споров о том, что вообще может или не может считаться искусством. Несмотря на прочную связь с традициями прошлого, культура XX в. отошла от всех канонов и воплотила в себе все то, что человечеству не удавалось выразить на протяжении многих столетий. Необходимость новаторства, которое было единственным способом авторов заставить публику обратить на себя внимание, и стало одной из главных причин возникновения множества художественных образов, которые нельзя встретить в искусстве ранних периодов и направлений. Среди всех этих образов хотелось выделить один, который приобрел наибольшую популярность у писателей, художников и кинематографистов XX в. — образ мистического отщепенца, человека, отделенного от реальности собственным сомнением в ее достоверности.